

**Михаил Ахманов**

## **ПРИШЕДШИЙ ИЗ СНОВ**

### **Пролог**

Корабль возвращался.

Чудилось, что он висит в неподвижности в черной пустоте, застыв под немигающими звездами как крохотная серебристая игрушка, брошенная в холод и мрак междупланетного пространства. Но это было иллюзией. Всего лишь иллюзией, одним из тех обманов чувств, что подстерегают человека в среде враждебной и непривычной, где нет деревьев и гор, нет зданий, дорог, верстовых столбов и прочих отметок, что могут служить ориентирами. Нет воздуха и вод, стремящихся к морю, нет гонимых ветрами туч, нет ни зеленого, ни синего, ни алого – ничего, что знакомо взгляду. Только тьма, далекие точки звезд и солнце – маленькое, неяркое, совсем непохожее на щедрое светило Земли. Корабль мчался к ней, но до родного мира было еще далеко.

Три с половиной года... Два из них людям предстояло провести в тесных отсеках, забитых оборудованием, контейнерами с пищей и водой, роботами, транспортными модулями и сотнями других устройств и механизмов, от которых зависели их жизнь и цель экспедиции. Два года – путь туда и обратно, и еще полтора – пребывание в мире бурых барханов, гигантских расселин и титанических гор. Фарсида, огромное плато в западном полушарии, по высоте соперничало с Гималаями, а над ним возносился конус Олимпта, древнего вулкана, уснувшего в незапамятные времена. Дно высохших морей покрывал песок, планетарную твердь пятнали кратеры, бороздили трещины, иногда похожие на рукотворные каналы. Миллионы лет ветер точил скалы и камни, придавая им очертания человеческих лиц, башен, замков, неведомых чудищ, будто ветру хотелось заменить строителей и скульпторов, которых тут не было никогда. Жалкие остатки атмосферы не могли поддерживать жизнь, но для пыльных бурь, пронесившихся над мертвыми равнинами, воздуха хватало. Как и космос, это был мир обмана и иллюзий, а еще – несбывшихся надежд...

Они высадились на двух спускаемых аппаратах около Долин Маринера, у рифтовой системы, примыкающей к каньону Титонус Часма. Их назвали в честь автоматической станции "Маринер-9", первого искусственного спутника, кружившего над этим миром скал и песков почти столетие назад. Долины и каньон, чудовищный разлом планетарной коры, предстояло исследовать в первую очередь – там, на глубине шести километров, могли сохраниться вода и, возможно, какие-то микроорганизмы. Лагерь был разбит под защитой утесов, у южного края трещины – жилые купола, ангар для роботов и машин, аварийный модуль, соединенные переходами. Затем группа биологов и планетологов спустилась вниз, устроив вторую базу на дне каньона. Они изучали разлом больше года, бурили шурфы, пробирались в полумраке среди скал, осматривали трещины и пещеры, но не нашли ни воды, ни признаков жизни. Другие группы отправились к полюсам, к Олимпу, на плато Фарсиды и в зоны низменностей, к депрессиям Исиды, Аргири и Мангала Вэли. Разведчики трудились тщательно и осторожно, но все же двое погибли в пыльной буре и еще один, не выдержав напряжения, раскрыл скафандр и покончил с собой. Сгинувших в буре не нашли, но тело самоубийцы подняли на орбиту, поместив в корабельный гибернатор. На сей счет были разные мнения, но дуайен экспедиции сказал: первый человек, погибший на другой планете, должен вернуться в лоно матери-Земли.

Обратный перелет длился долго. Реактор был заглушен, двигатели маневра не бросали в пустоту огненные шлейфы, и лишь сила тяготения властвовала над кораблем, увлекая его к родной планете. В дни после старта людям еще снились мертвые равнины и кружившие над ними смерчи, тьма бездонных расселин, пояс скал вокруг кратеров и гребни уходящих к горизонту дюн. Но потом эти мрачные пейзажи стали блекнуть в памяти, ибо время лечит все: сожаления о погибших, тяжкую усталость и даже страх – страх перед чужим миром, бездонной пустотой и смертью. Через пару недель люди пришли в себя, и сны их стали спокойными.

Они еще не знали, что смерть летит с ними.

## Глава 1. Пробуждение

Он очнулся от ледящего холода. Холод пронизывал кости и плоть, терзал их острыми когтями; казалось, что кровь больше не струится в жилах, а стала твердой смерзшейся субстанцией, распирающей сосуды изнутри. Он не мог открыть глаза, язык и губы тоже не повиновались. Пожалуй, единственным ощущением кроме холода был звон в ушах – негромкий, но назойливый, словно жужжание мухи. Было непонятно, как он дышит и дышит ли вообще – воздух не поступал в горло, парализованное судорогой. Затем ему почудилось, что он падает, летит в пропасть годы, столетия, целую вечность; летит, и никак не может долететь до ее дна.

Что-то кольнуло в шею, и холод стал отступать. Ледяные мурашки медленно сползали к локтям и коленям, звон в ушах смолк, в висках запульсировала кровь, чувство падения исчезло. Кольнуло еще раз, и он понял, что это инъекция – целебный препарат вводили в сонную артерию, и с ним возвращались жизнь, тепло и способность двигаться. Правда, очень ограниченно: он смог лишь приоткрыть губы и пошевелить языком. Пальцы рук и ног по-прежнему оставались во власти холода.

Ждать, мелькнула мысль, надо ждать...

Он знал, что не должен торопиться. Откуда?.. Его размышления текли бессвязно, мозг еще не включился в работу, сосредоточиться не удавалось. Вместо воспоминаний – осколки, словно разум превратился в кучку битого стекла. Кто он?.. Где очутился?.. Что с ним произошло?.. Нет ответа, нет ответа... Но мысль о необходимом ожидании была отчетливой и ясной – собственно, то была ось, вокруг которой вращалась сейчас его вселенная.

Ее заполняли смутные картины – обезлюдевшие города в дыму пожарищ, дороги с потоком машин, иссякшим в считанные мгновения, руины мостов, энергостанций и огромных зданий, человеческие лица и фигуры, кружившие в бесконечном хороводе. Их мельтешение не прекращалось, являя все новые и новые образы; он видел тысячи искаженных мукой лиц, тела в предсмертной агонии, людей, гибнувших под развалинами, в огне, в братоубийственной бойне. Темноглазая женщина смотрела на него – губы ее дрожали, пытаясь выдавить улыбку, но по щекам катились слезы. Кто она?.. Знакома ли ему или это случайное видение?... И кто он сам?.. Нет ответа, нет ответа...

Не двигаться. Ждать. Не торопить события, не волноваться. Все будет нормально.

Теперь он наслаждался ощущением тепла. Острые холодные когти больше не рвали тело, сердце билось ритмично, разгоняя кровь. Он вдруг почувствовал, что дышит – воздух вливался в легкие, грудь поднималась и опускалась, чуть заметно подрагивали веки. Он различил негромкий шелест – потоки воздуха снова и снова пронеслись со всех сторон, массируя мышцы. Его возвращали к жизни – неторопливо, планомерно и уверенно.

Наконец он смог открыть глаза. Над ним нависало нечто прозрачное, продолговатое, и за этой границей, отделяющей его от мира, разливалось тусклое сияние. Повернув голову, он разглядел рядом с прозрачной крышкой пульт, на котором загорались и гасли зеленые огоньки. Станным образом игра этих огней успокоила его, хотя смысл происходящего все еще был непонятен.

Воздушный массаж продолжался. Теперь сильные струи били в плечи, бедра и бока, прокатывались по груди и спине. Ощупав пальцами свое ложе, он понял, что лежит на чем-то вроде мелкой сетки, пропускающей потоки воздуха. У его плеч поблескивали гроздь гибких манипуляторов – вероятно, то были устройства для инъекций и внутривенного питания. К коже на левом боку прижимался диск кардиографа, испускавший слабые вспышки света в такт сердечных ударов.

Пульт... кардиограф... инъекции... манипулятор... Слова всплывали в сознании одно за другим, множество слов, которые он начинал вспоминать. Но что-то важное было утрачено – не просто понятие или термин, а что-то принадлежавшее лично ему, столь же неотъемлемая часть его тела и разума, как сердце, глаза или способность мыслить. Что им забыто?.. Что?.. Он перебирал слова, копался в них, стараясь найти потерю, и прибор на его боку мигал все чаще и чаще. Кажется, его охватило волнение. Такая эмоция не допускалась.

Не двигаться, не торопить события, не волноваться... Ждать! Вот команда, которую врзали в его разум, вбили точно арбалетную стрелу. Он не помнил, как это было сделано. С помощью ментального внушения?.. Если так, найдется что-то еще – код, пароль, что откроет кладовые памяти. Распечатать их, и тогда...

Имена! – внезапно догадался он. Его имя и той темноглазой женщины!

Петр Тениат и Анна-Мария... Он - Петр Тениат, посланец Конгрегации из команды Пятого Тысячелетия. Анна-Мария... О ней лучше не думать. Ее нет, давно уже нет.

Имена стали путеводной нитью, брошенной в поток беспамятства. Теперь он знал, где и почему очутился и что должен сделать. Прежде всего, вылезти из саркофага и обследовать другие гибернаторы... Затем вскрыть сейф времени, найти одежду и пищу, проверить снаряжение и подняться на поверхность. Втроем, вдвоем или в полном одиночестве - это уж как повезет. Долгий холодный сон мог закончиться смертью.

Он пошевелил губами, с хрипом выдохнул воздух. Потом произнес:

- Петр... я - Петр...

Зеленые огоньки на панели замигали чаще, но крышка над ним осталась неподвижной. Крышка не сдвинется, пока он полностью не придет в сознание, пока не скажет нужные слова... Он вспоминал их целую вечность, глядя на мерцание огней и блестящее щупальце манипулятора. Устройство дернулось как бы в нерешительности, потом, будто змеиное жало, появилась и исчезла тонкая игла. Кажется, модуль, управлявший его пробуждением, решил, что нет нужды в новых инъекциях.

Он перевел взгляд на приникший к сердцу кардиограф. Его вспышки были ритмичными и яркими, в такт толчкам крови в висках.

- Я - капитан Петр Тениат, эмиссар Проекта, - вымолвил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. - Готов действовать.

Крышка поднялась. Он с усилием перебросил ноги через край гибернатора, опустил их на пол и встал. Керамическая плитка, испещренная за два тысячелетия мелкими трещинами, холодила ступни. Свет в камере, вырубленной в скальном основании пирамиды, был неярким - из двух десятков люменов, вмонтированных в потолок, горели только восемь. Облицовка стен казалась такой же старой, потрескавшейся, как на полу и потолке, но Тениат помнил, что камни над его головой еще древнее - эти известняковые глыбы были обтесаны людьми в незапамятные времена, на заре цивилизации. Их творения наверняка пережили все конструкции двадцать первого столетия, подумал он, озираясь и вдыхая затхлый воздух. Несокрушимость рукотворной горы над ним внушала чувство покоя и безопасности.

На пульте рядом с его капсулой времени еще мерцал зеленый огонек, но две другие установки выглядели темными и безжизненными. Сердце Тениата сжалось. Шагнув к одному из гибернаторов, он склонился над прозрачной крышкой, всматриваясь в лицо застывшего в холодном сне человека. В лицо иссохшей мумии! Глазницы провалились, на месте носа и рта зияют черные дыры, потемневшая кожа обтягивает череп, кардиограф на груди мертв, как и сердце, чей трепет он должен регистрировать... Петр повернулся к другому саркофагу, уже зная, что там увидит.

Лейтенанты Ланс Маттау и Сергей Токарев... разведчики грядущего, его команда... Их смерть не удивила Тениата - никому из ушедших в холодный сон не гарантировали пробуждения. В его времена гибернация не являлась чем-то новым и неизведанным, люди засыпали на год, на два, на десять лет и благополучно возвращались к жизни. Но в данном случае срок был огромен - не годы, а два тысячелетия. Каждый саркофаг был автономной системой, питаемой от солнечных батарей на поверхности - возможно, их повредили?.. или дал сбой управляющий модуль?.. или организм спящего не выдержал долгой гипотермии?..

Или оба были заражены, подумал Петр Тениат, холодея. Он снова приблизился к саркофагу Маттау, затем Токарева, внимательно осмотрел их лица и тела, но нигде не увидел зеленоватых язв и пятен. Разумеется, всех уходивших в сон тщательно обследовали перед гибернацией, но вирус зеленой проказы иногда как будто замирал, активизируясь и убивая жертву лишь через несколько месяцев. Гипотермия могла растянуть этот период на годы, но не на века, и сохранить характерные признаки болезни. Их, однако, не нашлось. Токарев и Маттау скончались не от проказы.

Он сожалел об их смерти, но относился к случившемуся как к потере, неизбежной в любом рискованном предприятии. Риска же и сомнений в их путешествии сквозь время было достаточно, и оценить его итог могли лишь выжившие. Он один добрался до финиша, двое погибли: считать ли такой результат удачей или провалом?.. Это зависело не от мнений Петра Тениата или сотрудников Проекта, а от его последующих действий, от того, будет ли успешной его миссия.

Босой и голый, он стоял на холодном полу убежища, озаренного тусклым светом потолочных люменов. По стенам тянулись кабели, их плотный жгут исчезал

наверху, в узкой шахте, проложенной к солнечным батареям. Кроме гибернаторов, в камере находились только стальной сейф в полтора человеческого роста и люк в стене, примыкавшей к галерее. Галерея вела на поверхность, но чтобы проникнуть в нее, он должен был справиться с люком – вручную, если откажут сервомоторы.

Некоторое время Тениат разглядывал массивную крышку с выступающим штурвалом, стараясь не думать о том, что произойдет, если открыть люк не удастся. В эти секунды гигантская пирамида над его убежищем уже не казалась символом безопасности и покоя – скорее, памятником над братской могилой трех неудачников. Мысль была мрачной, но в прошлом жизнь не баловала капитана Тениата, приучив его, что проблемы надо решать по мере их появления.

Он направился к сейфу времени, вскрыл его и начал выкладывать на пол снаряжение, предназначенное для троих. Три рюкзака, три комбинезона с поясами, три пары башмаков, белье, оружие, фонари-люмены, контейнеры с пищей, браслеты связи, маяки... Все это хранилось в вакууме и, на первый взгляд, казалось исправным – фонари, во всяком случае, горели, а ткань одежды не истлела.

Наконец он извлек авиаранцы с сомкнутыми лопастями воздушных винтов и зонтиками солнечных батарей. Весили они немного, но в сейфе занимали большую часть места. Тениат тщательно осмотрел их, развернул и снова сложил пропеллеры, проверил на прочность ремни и тяги, крепившиеся к седлу и стремянам. Авиаранцы были простыми устройствами, с примитивной автоматикой, как и прочее снаряжение, что хранилось в сейфе – ножи, арбалеты, обоймы игл, пояса с инструментами и приборами с энергопитанием от солнца. Простота – залог долговечности и надежности; это считалось самым важным для странников, уходивших в путь без возврата.

Он оделся, повесил к поясу нож, защелкнул браслет на запястье и начал набивать рюкзак. Запасные башмаки и инструментальный пояс, два фонаря, еще один нож, бинокль-дальномер, миниатюрный арбалет с запасом игл, аптечка, маяк, вода в стерильной фляге, сигнальные ракеты, контейнер с сухими питательными капсулами... Раскрыв его, бросил капсулу в рот, за щеку. Она медленно растворялась – слишком приторная, неприятная на вкус, но содержащая глюкозу, протеины и все остальное, в чем нуждается человек.

Оставив рюкзак рядом с летательным ранцем, Тениат приблизился к люку и положил ладони на штурвал. Лицо его побледнело, пальцы чуть подрагивали. С минуту он стоял неподвижно, сжимая рукояти и чувствуя, как давит на него гигантский каменный монолит. Перед глазами плавало видение: два высохших тела в саркофагах и скелет на полу, у стены с нераскрывшимся люком.

Самое время помолиться, мелькнула мысль. Но Тениат, как все специалисты Конгрегации, не был религиозен, и потому сказал:

– Господь, ты мне должен. Должен! За Ланса и Сергея, за Анну-Марию и всех остальных, кого ты не спас от проклятой заразы! Если хочешь явить милость, то сейчас самое время. Ну, давай!

С этими словами от навалился на штурвал.

Массивное стальное колесо сдвинулось с протяжным скрипом, и тут, к удивлению Тениата, включились сервомоторы. Видимо солнечные батареи, питавшие энергией все устройства в камере, были исправны – во всяком случае, часть из них. Ему определенно повезло, решил Петр, бросив взгляд на потолочные светильники. Он мог пробудиться в полном мраке, в наглухо закупоренной каменной щели, не говоря уж о самом страшном варианте – смерти в лишенном энергии гибернаторе.

Отступив на шаг, он смотрел, как со скрипом и скрежетом проворачивается запорный механизм. Наконец крышка люка сдвинулась, в камеру проник сухой прохладный воздух, слабое пятно света легло на пол галереи за стеной. Она шла горизонтально, потом поднималась вверх, к главному входу, под углом примерно двадцать пять градусов. Камера, использованная для убежища, не была погребальной, здесь никогда не лежали мумия и сокровища фараона, и никто не ведал, зачем древние мастера высекли ее вместе с нисходящим коридором в толще скального основания пирамиды. Может быть, ложный ход для обмана грабителей?.. Или фараон решил упокоиться ближе к небу и солнцу?.. Так ли, иначе, место это идеально подходило для странников во времени – скрытное, надежное и не подверженное тектоническим сдвигам. Пирамиды на плато Гиза простояли сорок семь веков, и не было сомнений, что еще двадцать бесследно пролетят над ними.

Прихватив авиаранец и фонарь, Тениат выбрался в галерею. Пятнадцать шагов до подъема наверх, затем сотня метров по наклонному проходу... Световое пятнышко, подрагивая, бежало перед ним, башмаки вздымали мелкую пыль, свод

коридора тонул в темноте. Он двигался осторожно, как человек, переживший тяжкую болезнь, но с каждым шагом силы возвращались к нему. Когда впереди замаячил отблеск солнечного света, он замер, глубоко вдыхая воздух – уже не сухой и прохладный, а влажный, будто насыщенный испарениями близкой реки. Вход в пирамиду не заложили камнями, как и предполагалось с самого начала. В хаосе, воцарившемся на Земле, в вакханалии смерти, пожаров и разрушений, тут, у великих пирамид, уже не бродили толпы любопытствующих; плато, как и город у реки, было безлюдным. Теперь тут властвовал ветер – ветер да стаи шакалов и одичавших псов, что дрались над трупами.

Тениат выключил фонарь и неторопливо преодолел последний десяток метров. Кажется, ему снова повезло – он очнулся днем, и значит, можно подвесить ранец на зарядку. Он не спешил, ибо время, затраченное здесь и сейчас, ничего не значило в сравнении с двумя тысячелетиями. К тому же он догадывался, что увидит: руины города на востоке и бескрайнюю пустыню на западе. Только развалины и песчаные барханы; еще, быть может, остатки монорельсовой дороги, соединявшей город и плато.